

Юрий Жук

Узоры года
мушкет

Юрий Жук

**Игры для мужчин. Проза
времен соцреализма**

«Издательские решения»

Жук Ю.

Игры для мужчин. Проза времен соцреализма / Ю. Жук —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746310-6

Повести и рассказы времен соцреализма. Для читателя всех
возрастов без ограничения и политической ориентации в том числе.

ISBN 978-5-44-746310-6

© Жук Ю.
© Издательские решения

Содержание

Липки	6
Утром	7
Друзья	10
Большая игра	12
Арбузы	14
Артист	20
Зеленый остров	24
Вечер	29
Бабушкины сказки	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Игры для мужчин Проза времен соцреализма

Юрий Жук

© Юрий Жук, 2017

ISBN 978-5-4474-6310-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Липки

Повесть о моем городе

Я не могу похвастать своим Васильевским островом, мои детские воспоминания никак не связаны с Марьиной рощей или старыми арбатскими переулками, ничто не роднит меня и с древним прекрасным Крещатиком. Нет, я богат другим.

Волга – вечная труженица со свистками многочисленных буксиров, шлепаньем колесных паровозиков и, конечно же, баржей «Рекорд», курсирующей до Зеленого острова и обратно. Бабушкин взвоз, скатывающийся прямо к берегу Волги, приволжские кривые улочки с их проходными дворами и многочисленными обитателями, ликующие и стонущие трибуны стадиона «Динамо» и, наконец, Липки. Вечные и такие молодые Липки, что поселились в самой середине моего сердца. Вот мое богатство.

Он изменился, очень изменился этот сад. Не стало многочисленных сказочных теремов с башенками и узорами из речек, в которых продавали мороженое и фруктовую воду; исчезли Зеленый театр и музыкальная раковина, а посыпанные песком и мелким битым красным кирпичом аллеи оделись в асфальт. А главное, ничего не осталось от дома во дворе конторы, как, впрочем, от самой конторы. На этом месте теперь разбита клумба, закованная асфальтовыми дорожками, ведущими к круглому каменному зданию с разнополыми табличками.

Дом. Смешной, неказистый и такой родной деревянный домишко, в котором прошло мое детство! Двухэтажным назвать его было нельзя, потому что он по самые окна первого зарылся в землю, а во второй можно было заглянуть, подставив под ноги ящик из-под расады. Правое крыло дома было и вовсе одноэтажным.

Да и жили-то здесь всего пять семей, каждая из которых ютилась в одной или двух до смешного маленьких комнатенках. Но нам, ребятишкам, дом в то время казался огромным и надежным.

Окруженный с одной стороны сараями и складами с садовым инвентарем (граблями, лопатами, шлангами и мотыгами), прикрытый забором и конторой дирекции с другой, защищенный задней стенкой Зеленого театра с третьей, он выходил окнами на серое здание Дома офицеров, что стоит через дорогу за железной решеткой сада. В этом домике я и жил. Вернее, жили бабушка с дедушкой и две мои тетки, а я с мамой бывал здесь наездами, хотя наезды эти длились зачастую дольше отлучек. Отец мой был военным фельдшером, его то и дело перебрасывали с места на место, и нам приходилось возвращаться в Липки, пока он не обживется и не выпишет нас к себе. Проходило некоторое время, и его снова перебрасывали, и мы снова возвращались. А потом он и вовсе получил направление за границу. С визами для семей тогда было туго, и мы с мамой надолго обосновались у бабушки с дедушкой.

Счастьем моему не было предела! Я терпеть не мог все эти переезды: только обживешься и заведешь приятелей, и вдруг – отъезд. А тут, в этом доме, у меня были постоянные и верные друзья, которые каждый раз с нетерпением ждали моего возвращения, а дождавшись, они, как и я, безмерно радовались нашей встрече.

Утром

Сад просыпался очень рано, разбуженный громким разноголосьем живущих в нем птиц. Задолго до восхода солнца в огромных кронах каштанов и кленов, среди листвы, раздавался чуть слышный шорох, потом замечалось какое-то легкое движение, и вот уже проснувшаяся птица, чирикнув, слетает с насиженной ветки ближе к свету и, почистив перышки и отряхнувшись, начинает свою утреннюю песню, призывая подруг последовать ее примеру. И возникает хор.

Вместе с садом просыпается и наш дом. Нужно успеть до открытия привести Липки в порядок после вчерашнего дня: вымести сор, полить клумбы и аллеи... Да мало ли... В общем, следует привести все в надлежащий вид.

Я люблю вставать вместе со всеми, рано. Никакая сила не может заставить меня утром проваляться в постели лишнюю минуту после сна. Плеснув на себя водой из умывальника и выпив приготовленную все успевающей сделать бабушкой кружку молока, я скатываюсь с крыльца, чуть ежась от колкого утреннего холодка. Во дворе под сараями лежат штабеля досок, и первые лучи солнца, перевалив через крышу Зеленого театра, попадают как раз на них. Я забираюсь на самый верх и подставляю свое тельце под ласковое тепло этих первых в нашем дворе лучей. Отсюда весь двор, как на ладони. Сонные рабочие, лениво перебрасываясь редкими фразами, разбирают обмотанные поливальными шлангами тачки, и те, визжа и скрипя несмазанными колесами, трогаются с места, поддаваясь усилиям толкающих их людей.

Распределяет работу Трофимыч – садовник «Зелен-треста». Худой, непроснувшийся и вечно болеющий с похмелья, он отдает распоряжения хриплым высоким голосом, то и дело подбегая к стоящей под штабелями колонке, чтобы хлебнуть глоток, другой воды прямо из крана.

Но пожар затушить не удастся, и он снова и снова пьет.

– Что, Трофимыч, трубы горят?

– Горят, мать их... – отмахивается он. – Да и когда они у меня не горели?

Трофимыч с юмором относится к своему утреннему состоянию, что, однако, не мешает ему четко следить за распределением работ.

– Витька, ты сегодня в цветник. Да смотри, полей хорошо. Чтоб не как в прошлый раз, а то я тебя знаю! Сам приду проверить.

В цветник ходить не любят, потому что многочисленные клумбы поливать нужно быстро, но обильно, до того как солнце наберет силу. Иначе сожжет цветы. Поэтому Витька, маленький юркий мужичишко лет тридцати, бурчит что-то себе под нос недовольно, однако, идет.

– А ты, Марусь, как справишься у раковины, тачку кати на портреты. Там уж Сергей Ильич подправляет, – командует снова Трофимыч.

Сергей Ильич, мой дед, в саду служит цветоводом. Он мастер экстра-класса, и два портрета – Ленина и Сталина, высаженные из цветов, сделаны его руками. Собранные из тысяч разных маленьких цветков, они требуют заботы и ухода, являются гордостью и постоянной тревогой моего деда, потому он уже там и аккуратно их подправляет.

Постепенно двор пустеет. Трофимыч остается один, подходит очередной раз к колонке, пьет, потом обращается ко мне:

– Ну здоров будь, казак. Вроде ничего день начали?
– Вроде ничего, дядя Трофимыч, – в тон ему отзываюсь я со штабеля.
– Вот и ладно. Вот и слава Богу. Дома-то кто у вас?
– Тетки еще спят, мама с дежурства не вернулась, а бабушка в сарае, – с готовностью отвечаю я. И точно знаю, что за этим последует: Трофимыч потихоньку шмыгнет к сараю, где бабушка уже готовит на керогазе завтрак.

Летом у нас стряпают в сарае, в доме места мало, да и керогаз воняет нещадно. Бабушка поворчит, пожурит Трофимыча, однако плеснет ему в стакан из припрятанной для деда бутылки, потому что дед мой тоже далеко не трезвенник и пьет ее, горькую, в большом количестве и с удовольствием.

Выйдет Трофимыч из сарая посвежевший, похрустывая куском огурца, круто посыпанного солью, мигнет мне заговорщицки, приложит палец к губам, молчи мол, и побежит по саду исполнять свои многочисленные хлопоты.

А я остаюсь один, греясь под ласковым утренним солнышком, и, сам того не замечая, потихоньку начинаю напевать недавно выученную и потому любимую песню:

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем командир полка.
Э-э-э-э, командир полка...

Напеваю я еле слышно, скорее про себя, чем вслух, но уже отчетливо вижу, как по песчаному берегу реки, под таким же утренним солнцем тянется цепочка уставших красноармейцев. Они только что вышли из боя. Гимнастерки их запылились и пропитались потом. Хочется остановиться и отдохнуть. Но нельзя. Нужно идти дальше. А впереди отряда рядом со знаменосцем идет перепоясанный ремнями командир с обвязанной головой. Вражеская пуля ранила его в этом бою. Кровь выступила на повязке, и сил совсем мало. Но где-то впереди бьется с врагами другой красноармейский отряд, и надо во что бы то ни стало прийти к нему на помощь. Все бойцы понимают это, никто не жалуется и не хнычет, а упрямо идут вперед, стараясь экономить силы для предстоящей схватки с врагом.

Мы сыны батрацкие,
Мы – за новый мир.
Щорс идет по знамени —
Красный командир.
Э-э-э-э, красный командир.

И вот уже я иду вместе со Щорсом, гордо неся в руках красное знамя и твердо зная, что в следующем, да и во всех других боях, мы непременно победим...

Размечтавшись, я не замечаю, как во дворе появляется мама возвратившаяся с ночного дежурства, а из сарая выходит бабушка с полной миской свежих дымящихся пирожков с картошкой

– Алексей, – окликает она меня, – беги за дедушкой, шумни, что завтрак готов. Пусть поторопится.

Я спрыгиваю со штабелей. Первым делом подбегаю к маме и с разбега висну у нее на шее. Мама обнимает меня и целует: как и я, она очень соскучилась.

– Тихо ты, сорванец, – ворчит бабушка, – собьешь мать с ног. Вон, какой вымахал, а все на руки норовишь. Скинь его, Тоня, а то вымажет всю.

– Не вымажу, – кричу я, соскакивая, и, взбрыкивая ногами, бегу звать деда к завтраку.

– Тихонько, не расшибись, оголтелый, – слышу я за собой добрый голос бабушки.

Друзья

В доме у меня их двое: Толян и Волоха. Толян – сын скульптора сада, а Волоха – один из многочисленных детишек поливальщицы и сторожа. Дружба у нас крепкая. С Толяном мы погодки, а Волоха моложе года на два. Однако это не мешает ему принимать участие во всех наших играх, а нередко, быть заводилой в них.

А еще он очень храбрый. Ни я, ни Толян не рискуем забираться выше третьей толстой ветки серебристого тополя, что растет за нашим домом. Толян, правда, клянется, что однажды чуть не добрался до пятой, но мы с Волохой не видели и потому не верим. А для Волохи долезть до шестой, посидеть на ней верхом и спуститься обратно – ничего не стоит.

Весь сад в нашем распоряжении. Зеленый театр с его огромной сценой, где так удобно гонять мяч, и длинными рядами зрительских лавок, в проходах между которыми отлично можно спрятаться, и пока тебя ищут в пятом, незаметно перебраться в конец зала – ряд в двадцатый; цветник с его фонтаном и каштанами, колючие плоды которых были постоянной добычей наших походов; газоны с густой травой и старыми развесистыми липами. Отсюда и название сада – нежное слово «Липки»

Сейчас лип стало много меньше: сохнут. Люди говорят, что деревья не переносят асфальта, в который заковали аллеи. Нет к корням доступа воздуха, и потому они умирают. Не знаю, так ли это на самом деле, однако факт есть факт. Лип в саду почти не осталось. Зато есть много других деревьев. Кленов, тополей, каштанов, много сирени и кустарника, появились экзотические растения с юга, а вот липа исчезает. Правда, несколько лет назад садоводы высадили вдоль одной чугунной ограды целый ряд молоденьких липок, но когда еще детишки превратятся в могучих красавцев, которыми так славны были Липки! И только летом, во время цветения этого дерева, сад наполняется густым и дурманящим ароматом липового цвета молодых саженцев.

Любимое место наших игр – газон у ворот Бабушкиного взвоза, где вдали от аллей, прямо на траве, свалены разные деревянные ненужности: рекламные щиты, ящики из-под рассады, остатки забора, сломанные поливальные тачки и просто бревна. Все это возвышалось за забором конторы и было нашим законным местом для игр. Только несведущему человеку со стороны это сооружение могло показаться кучей ненужного хлама. Для нас же каждый ящик и каждое бревнышко имели свое собственное место и особый смысл. И только взрослые со свойственным им рационализмом могли не замечать, что куча ящиков, отгороженная щитами из фанеры, это – капитанский мостик плывущего в штормовом море парусника, а бревна, вроде бы в беспорядке сваленные в кучу, на самом деле – надежная крепость с внутренними ходами сообщения и запасами боеприпасов и продовольствия на случай длительной осады.

Но где им, взрослым, вечно занятым своими скучными и, как им казалось, важными делами, понять и увидеть все это. А мы – Толян, Волоха и я – не очень стараемся объяснить им, гордые тем, что у нас в жизни появилась первая своя настоящая тайна.

Позавтракав, мы трое собираемся за забором конторы и после небольшого, но всегда бурного совещания, на котором решается план наших действий на сегодня, приступаем к своим неотложным делам.

Есть у всех нас троих еще один друг. Неопределенной породы и масти, неказистый на вид, но преданный нам всей своей собачьей душой пес, которого мы нарекли грозным именем Джульбарс. Непременный участник всех наших игр и походов, он каждое утро под-

жидает нас возле крепости, зная, что ему у каждого в кармане припасена от завтрака горбушка хлеба, вареная картошка или конфета. Джульбарс не брезгует ничем, будь то свежий огурец или простая корка, остаток яблока или пирожок с пасленом. Моментально проглатывая припасенный гостинец, он вертит хвостом, прыгает, визжит и норовит лизнуть в лицо своим горячим языком, что вовсе не трудно, потому что роста он изрядного.

Мы считаем себя полноправными хозяевами Липок, и зачастую это право приходится отстаивать кулаками от непрошенных гостей, которые то и дело вторгаются на нашу территорию и хозяйничают там без спроса. Если же своих сил у нас недостает, мы срочно посылаем кого-нибудь на Тот Двор – двор дома напротив ворот Бабушкиного взвоза. С Тем Двором у нас заключен вечный мир, по которому можно беспрепятственно пользоваться нашими местами в Липках, но за это и помогать нам «живой» силой в случае схваток с чужаками.

Нередко мы все вместе объединяемся в Том Дворе, и тогда начинается «большая игра».

Большая игра

А делается это так. Берется доска, не широкая и не длинная, примерно с метр. Кладется серединкой на кирпич или чурбак, чтобы один конец лежал на земле, а другой – в воздухе. И на нижний складываются кучкой двенадцать хорошо отструганных палочек. Вот и все приспособление. Потом мы считаемся, и одному из нас выпадает вадить, кто-нибудь ударяет ногой по верхнему концу доски. Все палочки разлетаются, и пока водящий собирает их, остальные участники «большой игры» должны спрятаться. Тут-то и начинается сама игра: доска снова уложена на камень, на доске – кучкой палочки, которые вновь готовы взлететь вверх.

Водящий должен найти всех и «застукать» о доску с палочками. Не успел добежать первым – удар ногой по доске, и палочки вновь в воздухе, и все, кого нашел водящий до этого, разбегаются. Вновь ищи. Горе водящему, неповоротливому и ленивому.

Тот Двор, большой, с массой сараюшек и закоулков. Уговор – дальше двора не прятаться, но и его хватает с избытком. Чуть зазевался, и откуда-нибудь непременно вынырнет спрятавшийся, а это значит, что палочки вновь в воздухе. Собирай и ищи всех снова. Участвуют, как правило, человек по десять – пятнадцать, на то она и «большая игра». Играли всерьез и подолгу. Попробуй, не отдайся. Потом говорить с тобой не захотят, даже самые близкие твои приятели.

Бывало, и дня не хватало, чтобы закончить игру, что ж, переносили на завтра и начинали с того места, где остановились вчера. Правила жесткие, но по нашим понятиям вполне справедливые. На то она и «большая игра». Бывали случаи, когда кто-нибудь из особо «хитреньких» пытался увильнуть, выйти из игры не отдавшись, в общем, жилил. С такими у нас разговор короткий. Жил у нас не любили, и если другие меры, уговоры и увещевания не помогали, прибегали к крайней мере: из жилы «сало» жали. Окружали его плотным кольцом и, сбившись в кучу, дружно давили, что было сил.

Надо сказать, что операция эта болезненна и, главное, унижительна. Потому прибегали к ней редко, и после провинившийся уже не принимался в «большую игру». Сиди себе в сторонке и слюни пускай от зависти, пока вновь не заслужишь у общества потерянного авторитета.

Есть в нашей компании Славка-Жирный. Жирным мы его зовем не столько за полноту, сколько за неповоротливость и слюнтяйство. Вадит он в «большой игре» частенько, а если и прячется, то найден, как правило, бывает сразу – толком прятаться не умеет и лишь канючит:

– Да, нечестно. Я не успел. Давайте переиграем.

В общем, жилит Жирный, и жилит больше всех. Такой уж у него характер. Но стоит начать давить из него «сало», вопит и воет еще до начала, чем больше и больше подстрекает на экзекуцию молоденьких сорванцов.

Однажды в «большой игре» трое суток не мог он отвадиться. Дошло до того, что в последний день, усевшись верхом на доску с палочками, чтоб никто не смог к ней подобраться, никуда не отходил и только кричал с места:

– Ага, вон ты, Юрка! Вижу, Рыжий, вижу: за сараями! Вылазь, гад, я тебя застукал. Слышишь, Рыжий?

А Юрка-Рыжий в это время совсем с другой стороны, не таясь, подошел к доске, да так ловко, что Славка его и не заметил, обратив все свое внимание на сарай, и со словами:

«Искать надо, а не сидеть!» – сильно ударил ногой по доске, подбросив все палочки вверх. Из глаз Жирного хлынули слезы. Слезы обиды и злости.

– Не буду, – закричал он, – больше играть! И водиться не буду! Велосипеда не дам и отцу скажу! – и сбежал с воем.

Обычно взрослые в наши дела не вмешиваются, и решали мы все свои конфликты всегда сами, поэтому были немало удивлены, когда через несколько минут из Славкиной квартиры вышел мужчина в расстегнутом кителе, Славкин отец был военным и служил где-то в органах на Вольской, а за ним – сопливый и воющий Славка:

– Чего, ребята, сына обидели?

Мы все собрались в кучу. Необычно и боязно отстаивать свою правоту перед взрослым, тем более что тот – сторона заинтересованная. Однако вины за собою не чувствуем и кричим в ответ хором:

– Пусть отвадится!

– Жила ваш Жирный!

– Не отвадился, домой убег!

– В компанию не возьмем, раз так!

Отец его спрашивает:

– Чего ж ты не отвадишься?

А тот ревет, как белуга:

– Да, как же, отвадишься тут! Третий день важу, и все бестолку! Они нечестно, специально заваживают, что-бы посмеяться!

А надо сказать, что нечестности никакой не было. Вся игра проходила точно по правилам, как обычно. Конечно, вадить не сахар, это каждый скажет, но чтоб к отцу бежать жаловаться – последнее дело.

– А что, ребята, – подмигнув всем нам, сказал Славкин отец, – может, я отважусь за сына? Как, примете?

Вся компания на какое-то мгновение замолчала. Потом кто-то один смущенно и недоверчиво прыснул в кулак, хихикнул другой и вот уже все вместе мы дружно покатываемся со смеху. Предложение кажется необычным и потому заманчивым.

– Примем!

– А ну как завадим?!

– Только по правилам. И чтоб не обижаться. Слово!?

– Славкин отец решительно кинул на лавку свой китель и, перекрывая наш галдеж, громко и неожиданно крикнул:

– А ну, разбивайте, кто смелый.

Юрка Рыжий подбежал к доске, что было сил ударил по свободному концу, и все двенадцать палочек пестро замелькали в воздухе и широко рассыпались по двору.

Вот это была игра! На такое чудо вышли поглазеть из своих квартир все взрослые этого двора. Подбадривали Славкиного отца, подшучивали над ним, потом увлеклись и болеть стали не хуже, чем на «Динамо».

Погоняли мы его крепко. Он, конечно, отвадился, в конце концов, но попотел за время игры основательно. А Жирного мы с тех пор в игру свою не берем. Все, баста!

Арбузы

Август – время первых арбузов. Город переполнен ими. На каждом углу, прямо на тротуарах свалены огромные кучи полосатых красавцев. Горожане, несмотря на августовское пекло, выстаивают в длиннющих очередях и отходят от прилавков довольные, неся в авоськах, сумках и просто в руках вкусную и сочную прохладу этого удивительного плода.

Какое нетерпение появляется за столом у детишек. Да что там детишки: взрослые и те еле сдерживают выступившие слюнки, когда на стол ставится огромный, только что вытасщенный из холодного погреба и потому запотевший от зноя полосатый красавец.

– Пап, ну режьте же! Сил никаких нет, так хочется попробовать! – тетки мои от нетерпения ерзают на стульях. Дед не спешит. Он старательно вытирает тряпочкой кухонный нож. Нюхает его: не осталось ли каких запахов, и со словами:

– Ну, чи кавун, чи редька? – одним движением руки ловко вскрывает плод, срезав его макушку. Кожура трещит под лезвием и колется. Кажется, арбуз сам с нетерпением ждет этого момента, чтобы отдать людям все то, что так долго растил он и берег на жарких бахчах Прикаспия, лежа на боку в песчаной грядке.

– Кавун. Кавун...

Дед поднимает срезанную крышку, обнажая ярко-красную, непередаваемого цвета, присущую одному только этому плоду внутренность с многочисленными черными глазками. – Кавун, кавун, – подхватывают все за столом.

– Ух ты, вот так кавун! – вырывается у меня еле сдерживаемый вопль восторга.

Всем становится весело и радостно, оттого что первый в этом году арбуз оказался таким удачным, в меру спелым и очень сладким. Последнее я уже успеваю узнать, ложкой выхватив мякоть из срезанной макушки.

Но самое интересное происходит сейчас, конечно, на Волге. Арбузы везут в город на баржах снизу из Астрахани. Берег в несколько дней преображается, готовясь к приемке драгоценного груза. Прямо по песку от самой воды настилают трапы из длинных досок, редко сколоченных поперечинами. Трапы тянутся до ворот забора, сбитого тоже только сейчас. Забор огораживает часть берега, где будут сложены арбузы. Подготовлены сходни, готовые перекинуться на борт судна.

И вот первая баржа, беременная астраханским урожаем, подваливает, насколько позволяет глубина, к берегу. Гремят цепи якорей, и судно, успокоенное и застывшее, чуть покачивается на волжской волне. Между ним и берегом остается полоска воды, над которой и повисают сходни.

Подрядившиеся грузчики выстраиваются цепочкой от борта баржи до самых ворот и за ворота, внутри ограды. Разговаривают громко. Спорят из-за места. Никому неохота торчать на повисших над водой сходнях, один конец которых задран на высокий борт, а другой – лежит внизу на песке. Бранятся из-за чего-то с бригадиром, подшучивают друг над дружкой, и все это пересыпают обильным, но беззлобной матерком.

Но вот в воздухе мелькает из рук в руки первый арбуз, за ним – второй, третий... И разгрузка начинается. Ритм работы таков, что зевать не приходится. Стоит чуть отвлечься, и арбуз падает в воду, колется о трапы или откатывается по песку в сторону. И тут уж на него набрасывается ватага ребятишек, считающих упавший плод своей законной добычей.

Окрики и ругань бригадира, затрещины, которые он щедро раздает во все стороны, пытаюсь вернуть пропажу, не помогают. Грузчики смеются, наблюдая за его войной с пацанами, и нет-нет да и нарочно подбрасывают им очередное лакомство. Начинается куча-мала. Десятка полтора-два ребятишек только и ждут того момента, что-бы завладеть нечаянной добычей.

Разве что на первый взгляд куча-мала кажется беспорядочным сплетением ребячьих тел. Более же внимательный наблюдатель сможет понять определенный порядок и кое-какую систему во всех действиях участников этого далеко не безобидного предприятия.

Сегодняшнюю свалку можно разбить на три основные компании, каждая из которых старается, и это понятно, только для себя.

Действия любого участника строго выверены. То ли он прикрывает своего «основного», помогая ему пробиться к арбузу, то ли «пасет» кого-то из команды противника, мешая тому подобраться к добыче. Словом, это подобие какого-то соревнования в совершенно необычном фантастическом виде спорта, требующем от участников определенного навыка, физической сноровки и умения хорошо поработать локтями, а зачастую и кулаками.

Слабому тут нет места. И если ты боишься набить шишку или ободрать коленки, в кучу тебе лучше не лезть. Сиди и глотай слюни в сторонке, пока твои друзья будут делить этот нелегко доставшийся им приз. Может, повезет, и кто-то захочет с тобой поделиться своей долей... Или уж жди несколько дней, пока арбузы не поступят в продажу, и мамочка не купит своему сыночку арбузик на сладкое. Только не забудь, деточка, прежде вымыть ручки и почистить ногти. Да смотри, кисонька, не ешь больше двух кусочков и не забывай выплевывать семечки, не дай Бог животик расстроится.

Но такой народ в это время на берегу обычно не появляется.

Сегодня мы с друзьями припоздали и потому стоим в сторонке, наблюдая за всем, что происходит на разгрузке.

Велико желание попытаться счастья в куче-мале, но кидаться в нее нашими малыми силами, очертя голову, смысла мало.

– Погодь чуток, успеешь еще по шее словить, – роняет Волоха, видя мое нетерпение. – Гляди, че делается, и близко к арбузу подлезть не дадут. Мигом накостыляют.

Куча-мала сегодня действительно необычно велика. Через секунду мы понимаем, что борьба идет не за один, а, по меньшей мере, за пять арбузов.

Случилось так, что ребятам досталось сразу несколько скатившихся с перегруженной баржи плодов. И в свалку кинулась вся пацанва, собравшаяся на берегу, поживиться нечаянной и редкой удачей.

Неожиданно из всей этой неразберихи с самого низу, откуда-то из-под ног, появляется взлохмаченная голова со знакомым нам лицом и свежей царапиной через всю щеку. Это Славка с Того Двора, что против ворот Бабушкиного Взвоза. Он делает отчаянные попытки выбраться, но ему это плохо удается. Видно, кто-то крепко держит его за ноги. Рот Славки беззвучно открывается, пытаюсь что-то выкрикнуть в нашу сторону. Не слыша ни слова, мы все же сразу бросаемся к нему. Без переводчика ясно, что парню туго приходится, и одному ему вряд ли удастся выкарабкаться наружу.

Толян пытается стащить взгромоздившегося на Славку пацана, Волоха отжимает другого, расширяя щель, из которой торчит Славкина голова, а я, вцепившись в Славкины плечи, что есть силы тяну на себя.

– Руками, руками помогай! – кричу я, удивляясь его бездействию.

– Тяни, давай, умник, – выпучив глаза от натуги, в ответ хрипит Славка. И я вижу, что руками он, оказывается, крепко прижимает к себе арбуз, спиной и коленками прикрывая добычу от остальных соперников.

Друзья мои, видно, тоже заметили это и, не обращая внимания на обильные со всех сторон пинки и тычки, подхватывают под руки вконец обессилевшего Славку и буквально, как морковку из грядки, выдергивают его из кучи-малы вместе с арбузом.

В последний момент кто-то пытается удержать Славку за ногу, но тут же получает по рукам, и Славка, наконец-то, освобожден. Не мешкая ни секунды, мы отбегаем на порядочное расстояние от свалки и только тогда останавливаемся перевести дух.

– Ну дела! – Славка плюхается на песок, запрокинув голову и тяжело дыша. – Еще чуток и бросил бы я его к чертям собачьим, – он кивает на арбуз. – Вовремя вы подоспели.

Мы обстоятельно здороваемся, крепко, до боли в суставах, сжимая друг другу ладошки.

– Вас сколько тут? – как бы между прочим интересуется Волоха.

– А ниче арбузик, – будто не слышит Славка, вытирая тыльной стороной ладошки расцарапанную щеку.

– Килограммов на десять потянет, – он зачерпывает в горсть песка и тоненькой струйкой посыпает арбуз. Вдруг настороженно глянув в сторону кучи-малы, от которой отделилась компания человек в шесть, он неожиданно произносит:

– А нас тут – вы да я, вот и вся семья. Поэтому, братцы, давайте-ка по-быстрому смазываться. А то, я гляжу, вон те «шакалы», – он кивает в сторону компании, показавшейся ему подозрительной, – нацелились на наш арбуз.

Везде и всегда находятся охотники на чужом горбу в рай въехать. А уж на берегу таких предостаточно. Их тут называют «шакалами». В свалку они не лезут, но крутятся рядом. И стоит чуть зазеваться счастливчику, удачно выбравшемуся из кучи-малы, плакал твой арбузик, только его и видели. Непременно выбьют из рук, и пиши пропало, ежели за твоей спиной не стоит крепкая компания, готовая отстаивать добычу.

Но этот подлый народец достаточно хитер и, выбирая свою жертву, точно и наверняка прикидывает соотношение сил. Вот и сейчас, видя, что нас всего четверо, «шакалье» решило легко поживиться. А потому, прихватив нелегко доставшийся Славке арбуз, мы быстро карабкаемся вверх по откосу к парапету, за которым выстроились торговые ряды с многочисленными промтоварными и продуктовыми магазинчиками, с павильонами для пива и ларьками для газировки, с закусочными и парикмахерскими. Все это выстроено из дерева, окрашено в голубой или кастрюльно-зеленый цвет, тесно прижато друг к другу и переполнено разношерстным людом – обычная картина всякой набережной большого волжского города.

Исстари матушка-Волга кормила вокруг себя великое множество народу. Деда и прадеды теперешних горожан гуляли с ватагами вольных людей по волжской волне, не считая большим грехом при случае пошерстить зазевавшегося купчишку; хаживали с бечевой, поднимая с низовьев тяжело груженные южным товаром баржи; нанимались в кабалу на путину к местным богатеям и гибли, и пухли с голоду, добывая им коренную белужину, севрюжку, осетра со стерлядкой, и отсюда же, с Волги, уходили по этапу, гремя «железами», в далекую сибирскую каторгу закованные, но не сломленные люди. Сей вольный дух до наших пор остался жив на Волге, и в летнюю пору по берегам ее и на набережных больших и малых городов собираются на сезонные работы внуки и правнуки тех волжан. Это они разгружают тысящепудовые баржи арбузов и хлеба, шутя вскидывая на плечи неподъемные с виду мешки, и ночами разжигают на островах и плесах свои рыбацьи костры, это они спускают

по течению километровые связки плотов, это они стоят за штурвалами белоснежных теплоходов и прокопченных буксирчиков, непрерывно бороздящих волжскую воду.

На сегодня выпал базарный день, и набережная запружена народом. Сотни и сотни людей съезжаются по воде с окрестных деревень и сел на многочисленные рынки города. Самый близкий к берегу, а потому и самый удобный – Пеший рынок, или Пешка, как его запросто называют горожане. Туда-то по раннему утру и устремляется с первых рейсовых трамвайчиков многочисленный народишко со своим товаром. Удачно поторговав с утра свежей убоинкой, овощами и зеленью, а может, выгодно сбыв с оглядкой запрещенный для лова и потому редкий теперь малосольный балычок или, того лучше, жировую икорку, торговый люд спешит сюда на набережную Волги, чтобы до отхода своего пароходика пробежаться по окрестным магазинам и прикупить городского товару. Отрез ли ситца, новую обувь ребятишкам, нарядный платок для хозяйки и уж, конечно, городского калача фабричной стружкинской выпечки.

Славен во всем Поволжье наш местный калач. Высок и пышен, и на вкус хорош. Хоть с молоком, а хоть и так – всухомятку.

Люди спешат, нагруженные мешками и сумками, из которых свисают связки баранок, торчат витые, посыпанные маком халы, выглядывают румяные верхушки непрямого калача, а также многочисленные свертки и коробки с обновками.

Велик летний день, да дел еще больше. И как ни крутись, а, глядь, вечером и то не успел, и это не сделал. А когда-то еще окажешься в городе! Потому и бежит народишко, торопится взад и вперед по набережной.

Вот сюда, в самую гущу хлопотливого люда, и ныряем мы с друзьями, спасая добычу от завистливого «шакаля». Сверкая пятками, заворачиваем за ларек, потом – за магазин, прошмыгиваем в узкий проход между пивнушкой и столовой и, наконец, останавливаемся возле каких-то сваленных ящиков на задах магазина. И только тут, переведя дух, начинаем разговор:

– Ты что же, один что ли на берегу был? – присев на корточки, задает первым вопрос Толян.

– Ага. Я пришел, а наших никого. Видно, на пляж махнули.

– Как же ты один в кучу-малу не побоялся? – удивляюсь я. – Одному там делать нечего. Задавят без подмоги.

– А че бояться? – Славка гордо выпячивает грудь. – Вишь, не задавили. Одному даже бывает сподручнее. Да нет, шучу... – Он перестал задаваться и заговорил нормально. – Чего уж там? Я б один ни в жизнь не полез. Только случай больно заманчивый вышел. Когда все в кучу свалились, я в стороне стоял. Из-за того, что арбузов было несколько, неразбериха началась. И один – к самому краю выкатился, чуть не к моим ногам. Обидно было упускать такой момент. Я и нырнул за ним. Правда, я раньше заметил, что вы идете. Хорошо еще отделался, только щеку вот попортили: до сих пор кровь идет.

Волоха, оглядевшись по сторонам, подошел к высокому забору, где густо росла трава, сорвал листок подорожника.

– На-ка, плюнь на него, – протянул его Славке.

– С чего это? – не понял тот.

– Давай-давай, не бойсь, – поддержал Толян друга. – Парень дело говорит. Вмиг кровь остановит, я всегда так лечу болячки.

Волоха размазал пальцем слюну по листку и протянул Славке:

– Прилепи к царапине, враз поможет. Проверено уже.

Славка приклепнул листок к щеке и больше не обращал на нее никакого внимания.

– Ну че? Раскокаем, что ли? – он катнул босой ногой арбуз.

– А че ж, на него смотреть, что ли? – начал было я, но получив от Волохи незаметный толчок в спину, захлопнул рот на полуслове.

– Смотри, ты – хозяин, тебе и решать, – глядя куда-то в сторону, лениво произнес Толян и незаметно сглотнул предательские слюнки.

– Да. Ты уж сам как хочешь, так и делай, – Волоха ловко подхватил пальцами ноги с земли камешек и ногой же швырнул его в забор.

– Ну вот я и решаю, – Славка взял арбуз и тюкнул его о залатанную и вновь на латке дырявую коленку. Но ничего не произошло. Арбуз остался целым, только откуда-то изнутри отозвался глухим и, казалось, обиженным гулом:

– Да такого великана враз не расшибешь. Только мякоть внутри отобьем. – Славка положил арбуз на землю. – Чем бы его разрезать? Ножа ни у кого нет?

Конечно же, как назло, в карманах ни у кого не нашлось ничего подходящего. Я увидел в заборе забитый наполовину здоровенный гвоздь и, обрадованный возможностью внести свою собственную лепту в общее дело, кинулся к нему, опасаясь, что гвоздь из забора так просто не вылезет. К моей великой радости, он легко выскочил из трухлявой доски:

– Вот, подойдет? Правда, ржавый.

– Сойдет с горчинкой, – ответил Славка. – Нам лишь бы канавку прокорябать, а там мы его руками разломим.

– Ты по полоскам черти. Ровнее будет, – посоветовал Толян. – На каждый кусок получается шесть полосок. Я посчитал уже.

– Ну ты даешь. Когда успел? – поразился Славка.

– А сразу, как пришли. Я еще тогда знал, что делить будем. Ну и прикинул. Славка хмыкнул:

– Откуда знал? Что у меня на лбу написано, что ли?

– А че тут знать? Домой ты его не понесешь, так? Начнут расспрашивать, где взял, да кто дал. Еще и ввалить могут. Так? И один ты его тайком есть не станешь. Не таковский. – Толян решил, что немного лести не помешает. – Вот я и прикинул, что непременно делиться с нами захочешь. И потом, – Толян скромно опустил глаза, – мы ж как-никак тоже в этом деле не лишние были.

– Это уж точно. – Славка во всю царапал арбуз, честно отсчитывая на каждую долю по шесть полосок.

Но съесть нам тот арбуз «шакалы» не дали. Выследили все-таки и налетели внезапно сзади, и смяли нас, увлеченных дележкой, и молотили всю кулаками, яростно сопротивлявшихся этой невиданной несправедливости, и в злости хлестали Славку, сумевшего все-таки выхватить у них арбуз и расколоть его о землю, и вывалить в пыли мякоть, чтоб не достался уж никому. Раз не нам, то и не врагам нашим.

И дубасили Волоху с Толяном, пытавшихся отстоять меня от троих насевших сверху пацанов. А потом скрученных в злобе и ярости заставляли есть нас грязную мякоть, размазывая по лицу куски разбитого арбуза, и пинали ногами.

Чем бы все это кончилось – неизвестно, если б не отбили нас вышедшие из магазина грузчики и не погнали «шакалов» матом и затрещинами прочь со двора.

Сколько лет прошло, а до сих пор, вспоминая этот случай, я ощущаю в себе слезы обиды от той первой в моей жизни великой несправедливости. Горькие слезы, что пришли

уже потом, когда все кончилось, и мы остались одни. И только Славка, буйная голова, избитый больше всех нас за дерзость свою, смеялся и приговаривал:

– Плевали мы на них, хлопцы. С высокой крыши плевали.

Но почему-то от этих слов плакать хотелось еще больше.

Артист

Он появляется во дворе задолго до начала концерта, вместе с рабочими и костюмерами, реквизиторами и электриками, суетится, бегая со сцены к ящикам на машине и обратно, хлопочет возле своего громадного подрамника, пытается помочь рабочим, его собиравшим. Те сердятся, жалуются администратору.

– Лева, посидите в сторонке. Вы вносите суматоху, – говорит ему администратор, важный и толстый.

И Лева покорно садится на какой-нибудь ящик, но через секунду вскакивает, и все начинается сначала.

– Лева, я ведь вас убедительно просил, – вновь подходит толстяк, – вы что, хотите мне всех рабочих разогнать? Вы этой целью задались, да? Неужели вы думаете, что они хуже нас знают, что делать? Они собирают эту коробку по два раза на день. Так вы мне скажите, они знают, как ее собрать хуже вас?

– Я уже ушел. Я совершенно не вмешиваюсь. Конечно, они знают лучше. Но только вот тут в уголочке... А вдруг они забудут вставить шпильку в эту петлю? Тогда подрамник сразу не поставишь на место, и от этого пострадает номер.

– Лева, успокойтесь. Все будет в порядке. Вы же видите, что ваша шпилька уже на месте, – горячится администратор.

И актер уходит, оставляя поле боя толстяку, побежденный, но не успокоенный. Номер его в программе далеко не первый, и он спускается во двор подышать свежим воздухом и собраться.

– Здравсте, дядя Лева, – приветствуем мы его хором во дворе, потому что толстый администратор уже успел несколько раз выставить нас со сцены, где мы, путаясь под ногами, в предконцертной суматохе пытаемся помочь то электрикам поднести фонари, то радисту размотать шнуры от микрофона.

– Здравствуйте, здравствуйте, дети. Будем смотреть концерт, как обычно или что?

– Как обычно, – отвечает Толян на правах старого знакомого. – Только бы толстяк не заругался, а то обещал ухи надрать, если еще увидит на сцене.

– Ничего, я проведу, – улыбается дядя Лева. – Только майки непременно наденьте и отпроситесь у родителей.

– А ему можно? – тычет в меня пальцем Волоха. – Он теперь тут тоже живет.

У меня неприятно начинает сосать под ложечкой. А вдруг откажет? Но артист великодушен, и я вместе со всеми бегу мыть ноги и надевать майку.

Причесанные и обутые мы садимся на лавочку возле служебного входа Зеленого театра и терпеливо ждем дядю Леву. А тот, словно забыв о своем давешнем обещании, вышагивает по двору от сцены до колонки и обратно, что-то бормочет себе под нос, изредка помыкивая и погмыкивая. До нас долетают отдельные фразы его непонятной речи:

– На дворе трава, на траве дрова. Гм-гм-гм... – и снова: – На дворе трава, на траве дрова...

– Че это он? – хихикаю я, услышав первый раз его бормотанье. – Чокнутый, что ли?

– Тише ты, – почти без звука, одними губами шипит на меня Волоха, – сам ты чокнутый. Не видишь, готовится к выступлению. Артист ведь.

– Че к нему готовиться? Выходи да выступай, раз артист, – не понимаю я.

– Выступай, – передразнивает Волоха, возмущенный моим невежеством, – это тебе не закидушку забрасывать. Тут талант нужен, чтобы всем понравилось. Вот он и сосредотачивается, чтобы всем понравилось. Погоди, сам увидишь в концерте.

– Тихо вы оба, – вмешивается Толян, – помолчите, а то услышит, рассердится и не пустит. Тогда будете знать.

Но нас пускают, и мы, сидя в первом ряду, бешено хлопаем в ладоши вместе со всем зрительным залом.

– Только бы дождя не было, – беспокоится Волоха, – а то отменят, так и не посмотришь.

– Ладно, не каркай, – обрывает его Толян, – а то и правда польется.

Но дождем не пахнет, и занавес, наконец, открывается, и на сцену выходит толстый администратор с огромной в пол-лица улыбкой. Он хлопает в ладоши в ответ грохочущему залу, прижимает руки к груди, принимая приветствия зрителей и, наконец, объявляет о начале концерта.

И концерт начинается.

Артисты сменяют друг друга. Зрителям нравится. Они довольны и мы – тоже. Толян с Волохой знают программу концерта наизусть и тихонько с обеих сторон комментируют ее:

– Сейчас ксилофон будет.

– Что это? – не понимаю я.

– Инструмент такой. На нем специальными ложками играют, – объясняет Волоха. – Мне однажды этот музыкант дал даже постучать по нему немножко. Я ксилофон нести помогал.

– Иди ты?! – не верю я.

– Точно, спроси у Толяна. Он сам видел.

– Было, было, – подтверждает тот.

– А за ксилофоном китайцы выступать будут. Рыбок в воздухе ловить и в банку сажать. Живых, – продолжает Толян.

– Как живых?

– Как-как... Манипуляции.

– Чего?

– Манипуляции. Ну ловкость рук, и никакого мошенства.

– Да не манипуляции, а иллюзионисты, – спорит с ним Волоха.

– Сам ты иллюзионист. Не знаешь, так не суйся. Самые настоящие манипуляции, – не сдается Толян.

– Потом петь будет одна дамочка, – переводит разговор Волоха. – Только это неинтересно. Как затянет свое: «Над полями да над чистыми...» Ей всегда мало хлопают и на «бис» не вызывают. Только она иногда сама остается.

– Хоть бы сегодня не осталась, – вздыхает Толян. По всему видно, что и ему эта певица не очень нравится.

– А за ней дядя Лева.

Все оказывается так, как предсказывали ребята. За ксилофонистом выступают китайцы-манипуляторы, или иллюзионисты (кто их разберет-поймет?) Мужчина и женщина. Оба в нарядных восточных костюмах. Они ловко управляют с целой кучей стеклянных тарелочек, которые с огромной скоростью вращаются на концах длинных бамбуковых палочек. Артисты подбрасывают их в воздух и снова ловят палочками, перебрасывают друг другу и снова ловят. Затем мужчина берет длинную удочку, забрасывает ее в воздух над пер-

выми рядами зрительного зала. Несколько быстрых, почти неуловимых взмахов в воздухе и, о чудо, на конце лески бьется живая рыбешка. Опущенная в стеклянную банку с водой, она как ни в чем не бывало начинает плавать по кругу под восторженные аплодисменты зрительного зала.

– Видал? – тычет меня в бок Толян. – Манипуляции.

– Илизионисты, – добавляет Волоха, на что Толян даже не считает нужным как-нибудь среагировать.

А артисты, выловив из воздуха несколько рыбешек, под громкие овации зала низко раскланиваются, прижимая к груди соединенные ладошками руки, и уходят со сцены.

Певица, как и предсказывал Волоха, особого успеха не имеет. Голосит про свои «поля» и обиженно удаляется со сцены. Занавес закрывается. Из-за него выходит толстяк-администратор.

– А дядя Лева? – удивляюсь я.

– Щас, – усмехается Волоха.

Толстяк заканчивает что-то говорить залу. Занавес распаивается, и в полумраке сцены я вижу огромную в два человеческих роста картину в раме. На ней берег речушки с камышовой заводью, сама речушка, и рыбачок с удочками и ведерком. Шляпа сдвинута на затылок, сам он привстал, усы расщеперив, и кажется, вот-вот в воздух взвоется рука его с тонким удищем, вырвав из глади воды тонкое серебро пойманной рыбешки.

– Дядя Лева, – шепчет мне Толян.

Я не понимаю его, пытаюсь отыскать на сцене знакомую фигуру, но ничего и близко похожего мне на глаза не попадает.

– Где?

– Да вот же, в раме, – смеются ребята.

И, о чудо, рыбачок, нарисованный на картине, вдруг начинает двигаться, прикладывает палец к губам и произносит в зал:

– Тише, вы мне так всю рыбу распугаете.

Зал начинает громко аплодировать. Я же сижу полностью обалдевший от восторга. Никогда ничего подобного в жизни видеть мне не доводилось. Под щетиной усов и красным носом рыбачка я пытаюсь угадать знакомые черты дяди Левы и не могу. Даже голос другой – старческий и дребезжащий. Ничего не осталось от знакомого мне облика. Передо мной происходит великое таинство сценического превращения. И я, замороженный этим зрелищем, во все глаза не отрываясь, гляжу на сцену.

– Вот это да, вот это да... – как заведенный, повторяю я.

– Ага, проняло, – смеются ребята, – то-то!..

Но я их не слышу. Впрочем, не слышу я и слов артиста, хотя, видно, говорит он что-то очень смешное, потому что в зале громко хохочут и аплодируют. Начинаю хлопать в ладошки и я, по-моему, даже что-то кричу от восторга вместе со всем залом. Какие там китайцы и ксилофоны, ведущие и певицы! Все это затмил собою образ маленького рыбачка в огромной раме, так неожиданно и волшебным образом ожившего на время.

Номер, между тем, подходит к концу. Рыбачок вновь встает на свое место в раме, свет, падавший на нее, меняется, и картина блекнет и тускнеет. Рыбачок вновь кажется нарисованным. И лишь глаза его, озорные и немного грустные, чуть поблескивают в свете многочисленных прожекторов. На какое-то мгновение мне кажется, что он смотрит прямо на меня, улыбается и вдруг подмигивает неожиданно. Но, может быть, мне это только кажется.

Потом, через много-много лет, будучи уже совсем взрослым, я увижу эту картину в одном из залов знаменитого музея.

И на секунду мне померещится, что вот сейчас рыбачок в раме приложит палец к губам и, как тогда, озорно и немного грустно скажет:

– Тише, вы мне так всю рыбу распугаете, – и подмигнет мне.

И странное щемяще-теплое чувство родится во мне.

И долго я буду стоять перед этой картиной, вспоминая то далекое и невозможно родное время, в которое уже никогда не смогу вернуться.

Зеленый остров

В детстве для меня любимым блюдом была картошка. Обыкновенная картошка, но приготовленная руками моей бабушки. Мелко нарезанная, она плавала в соусе, заправленном поджаренным луком, лавровым листом с добавлением чеснока и зелени. Все это так и называлось – жареная похлебка с чесноком. Любая хозяйка может поднять меня на смех: нашел, мол, чем хвастать! Да такое чудо каждая мало-мальски соображающая в кухарском деле женщина приготовит за пятнадцать минут, не затрачивая особых сил и умения. И, наверное, по-своему будет права.

Но вот сколько я ни стараюсь приготовить знаменитую бабушкину похлебку – не получается. И не потому, что не умею. Просто не хватает бабушкиных рук. Таких проворных, ласковых, везде успевающих и все умеющих пары рук. А без них бабушкиной похлебки не получится, сколько ни бейся. Хотя, наверное, и продукты в этом деле тоже играют не последнюю роль.

Я хорошо помню ту особенную картошку, которую мы каждый год выращивали на Зеленом острове, где всякую весну раздавались в аренду наделы земли. Это сейчас остров превратился в узенькую полоску песка, на которой вдоль берега дружка на дружке тянутся фанерные сараюшки, важно называемые «дачами», а то и еще лучше – базами отдыха с громкими названиями вроде «Вешние зори».

А раньше, в годы моего детства, Зеленый остров, не затопленный теперешней Волгой, был огромными угодьями со своими лесами, полями, речушками и озерами, с такими названиями, как «Круглое», «Щучье».

По осени туда стремились городские охотники на утиные зори и вальдшнеповую тягу. Там же раздавали и участки под бахчи, картошку и огороды. Все это хозяйство требовало ухода, и потому каждое воскресенье толпы огородников устремлялись на Зеленый, чтобы успеть, обернувшись за день, как можно больше сделать на своей делянке. Оно и понятно: хоть небольшой, но участок. И та же грядка огурцов, десяток кустов помидоров, пара грядок лука или дружные всходы картофеля требовали и окучивания, и полива, и прореживания от сорняков.

Потому-то в страдную жаркую пору мы, то есть бабушка, мама и я (тетки мои не были большими охотницами до этого дела, а дед и вовсе своей обязанностью считал лишь посадить и убрать урожай), рано-рано утром отправляемся на берег Волги к пристаням, захватив с собой тяпки, ведра и нехитрую снедь, чтобы поспеть на один из первых речных трамвайчиков, курсирующих между городом и островом.

Но на берегу у пристаней уже яблоку негде упасть. Желающих плыть на остров – море, и речники не справляются. Однако отчаиваться рано, потому как тут же у дебаркадеров, уткнувшись носами в песок, стоят частные лодки-гулянки. Их владельцы, зная о великом спросе на водный транспорт, по воскресеньям утром времени не теряют и, по-деловому подойдя к этому вопросу, делают свои деньги.

– Кому на Сазанку? – слышится с одной из лодок. От очереди отделяется десяток-другой желающих и устремляется к ней. Зевать не приходится, если хочешь уехать. Людей много больше, чем лодок.

– На Шумейку желают? – орет только что подъехавший малый – косая сажень в плечах. На Шумейку, конечно же, желают, и лодка вмиг заполняется людьми.

– Зеленый. На Зеленый кому? Этой фразы довольно, чтобы лодку начали брать штурмом. Каким-то чудесным образом и мы трое оказываемся в ней, со всех сторон стиснутые

такими же спешащими огородниками. Лодка оседает все ниже и ниже, и вот уже нет никакой возможности принять на борт хотя бы одного человечка, а желающие все лезут, как-то умудряясь протиснуться между ведрами, лейками, узлами и лопатами, тяпками и граблями.

– Все. Хорош. Мать вашу... – орет хозяин, которого все равно никто не слушает. Ему с силой приходится стаскивать с рундука лишних пассажиров. В лодке шум и ругань. – Куда ж ты своей лейкой тычешь мне в живот? Я те грядка, что ли?

– А ты сдвинь его в сторону. Всем ехать надоть,

– Это живот-то сдвинуть? Ну сказанула... Чего ж тебе это стул, что ли. Убери, говорю, лейку!

– Куды ж мне ее?

– А хоть куды...

– Гляди-ко, расселась. Ишь, цаца! Небось потерпишь чуток. Я твои ведра на своих ногах терплю...

– Эй, отец, ты узел-то убери с моей головы.

– Гляди-ко, и впрямь голова. А я думаю, чего-то мне тут мешает? Извиняй, сынок, не углядел.

– Граждане, чуток сдвиньтесь, мальчонку надо посадить.

– Ну куда, куда лезете? Сказано ж, нет места более. И так лодка перегружена... Утопнуть хотите?

– Давай, милок. Давай отчаливай скорее. Солнышко эвон где!

Но тут оказывается, что лодка, загруженная людьми и скарбом, так плотно села днищем на песок, что столкнуть одному ее нет никакой возможности. Двое-трое мужчин из числа пассажиров вновь выскакивают в воду и под дружное: – «И раз, и два-а-а... И еще, и надай...» – наконец, сталкивают ее на глубину.

Хозяин пробирается чуть ли не по головам на свое место к мотору и, дернув заранее накрученный на маховик ремень, пытается завести мотор. Тот «чихает» раз, другой и затихает. Ремень снова накручивается, и снова – дерг, и снова – чих. Начинается великое дерганье и чиханье, перемежаемое не очень печатными фразами хозяина, которыми он вспоминает всех своих родственников до седьмого колена, и посылает этот упрямый мотор много дальше того места, куда можно пойти пешком.

Наконец, очередной раз чихнув, мотор неожиданно взрывается дробным стрекотом, и лодка, вся дрожа мелкой дрожью, чуть не черпая бортом воду, берет курс на Зеленый.

Шлепая носом по волне, она поднимает тучи брызг, которые обильно окатывают сидящих. Женщины взвизгивают и смеются. Забыты скандалы, и все неурядицы позади. Всегда находится в лодке самый активный или активная, которые громко объявляют:

– Ну, бабоньки, передавайте.

И все уже знают, что это значит. Из рук в руки в сторону рулевого передают по пятьдесят копеек старыми с человека за перевозку. Рулевой невозмутимо принимает собранную мелочь и, не считая, горстями отправляет ее в боковой карман обычно драного, всего в масляных пятнах пиджака.

Лодка же исправно шлепает по волне, мотор невозмутимо стрекочет, и Зеленый – все ближе и ближе. Наконец, вот и песчаный пляж острова. Тяжело груженная посуда к самому берегу подойти не может – мелко. Мы выгружаемся прямо в воду.

До нашего участка идти метров пятьсот вдоль неширокой и извилистой речушки, что вытекает из Щучьего озера. В этом году нам с делянкой повезло. Одним концом она выходит прямо к берегу этой речушки. Не надо далеко ходить за водой.

Первая моя обязанность по приходу на место – аккуратно уложить принесенные с собой продукты, чтобы до них не добрались вездесущие муравьишки, и закопать п прибрежный песок бидончик с домашним, настоящим на жженных корочках ржаного хлеба и потому темным, и резко шибяющим в нос квасом.

Пока я развешиваю по кустам ракитника сумки и вожусь на берегу с бидончиком, мама с бабушкой успевают сделать массу дел. Бабушка тяпкой окучивает уже зацветшие кусты картошки, а мама с ведром и лейкой торопливо снует от речушки к грядкам с помидорами и обратно.

Под каждый куст нужно вылить не меньше ведра и лейки воды, чтобы земля глубоко напиталась влагой, и ее хватило до следующего нашего приезда. Где-нибудь среди недели мы с бабушкой обязательно вернемся сюда, чтобы опять полить. Но бабушка старенькая, ей не под силу одной справиться с этой трудной работой. И, конечно же, обильного полива не получится. Вот потому-то мама и старается вылить под каждый помидорный куст как можно больше воды из реки.

Закончив со своими делами, я залезаю в речку. В самом глубоком месте вода мне еле достает до трусиков, и я несколько минут с удовольствием плещусь, поднимая со дна облачка мути, которые тут же куда-то уплывают: течение в речушке довольно быстрое. Затем ложусь на живот и, укрепившись руками в дно и выставив над водой голову, с удовольствием отдаю свое тельце омывающим его струям. Подхваченное упругим течением оно как бы парит в воде и становится легким, совсем невесомым. Перебирая по дну руками, я пытаюсь двинуться против течения. Мне это удастся с трудом. Речушка сопротивляется и тащит назад.

– Алеша, где ты там запропастился? – слышу я голос мамы и вспоминаю, что у меня еще куча несделанных дел.

У каждого из нас свои обязанности. Две грядки огурцов давно меня ждут. У меня есть своя полуведерная лейка, и полив огуречных грядок – моя святая обязанность.

Но прежде очень осторожно, не дай Бог наступить на огуречные плети и помять, а то и еще хуже, оборвать их, от бабушки тогда добра не жди, я раздвигаю листочки, чтобы отыскать под ними зеленые, колючие, все в пупырышках, за эти дни подросшие огурчики. Сбор урожая – тоже моя, но уже приятная обязанность. Первым делом я бегу к концу грядки, где несколько дней назад, в прошлый приезд, засунул маленький, только что завязавшийся огурчик в горлышко пустой бутылки. Этому научил меня дед.

– Посмотришь, – говорит, – что получится.

Раздвинув огуречные листочки, я вижу чудо-чудное. В обычной полулитровой бутылке с узеньким горлышком разлегся здоровенный огуречичек. Зрелище это для меня настолько невероятно, что я, чтобы убедиться в реальности всего увиденного, дергаю за огуречную плеть. Внутри бутылки огурец недовольно шевелится, и я, наконец, понимаю, что все это на самом деле и мне ничего не кажется.

– Мама, бабуля, идите скорее сюда! – кричу я. – Тут такое... Тут такое...

Мама с бабушкой наклоняются над грядкой,

– Это меня дед научил. Вот Толян с Волохой подивятся! – не перестаю я радоваться.

– Ишь выдумщики. – ворчит бабушка, – только от дела оторвал. Но, видно, и ей эта штука понравилась.

– Аккуратненько срывай, чтобы плети не порвать.

– Да знаю я. Первый раз, что ли!

Я отрываю огурец, и вместе с бутылкой отношу его к сложенным вещам, предвкушая заранее, как удивлю своих приятелей, когда покажу им эту необычность.

С двух грядок я собираю десятка полтора крепеньких пупырчатых огурчиков и принимаюсь за полив. Вниз к речушке за водою, вверх – к грядке. И так раз за разом. Огурцы влагу любят, и если поливать их плохо, будут горькими, как хина. Я, правда, хины никогда не пробовал, но так говорит мама, а уж ей я верю.

Солнце поднимается все выше, становится все жарче, и я каждый раз, зачерпнув воды в лейку, окунаюсь с головой в речку, чтобы остудиться.

За работой время проходит незаметно. Глядь, и уже на дворе полдень. И основная, и самая тяжелая часть работы нами сообща выполнена. Это значит – большая половина помидоров полита, картошка окучена и осталось кое-где повыдергивать сорняки и дополнить оставшиеся кусты помидоров и две грядки с луком, петрушкой и укропом.

Холодная картошка в мундире, только что сорванные свежие стрелки зеленого лука, яички вкрутую и, конечно же, огурчики, разрезанные вдоль, круто посоленные и потертые половинка о половинку до пены – честно заработанная пища. Что может быть вкуснее на свежем воздухе, если к тому же все это запивать остывшим в прибрежном песке домашним крепким квасом!

– Бабуль, арбузик сорвем? – без особого энтузиазма в голосе, как бы между прочим, спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ.

У нас на участке между картошкой посажено несколько плетей арбузов-скороспелок. Большими они не бывают, чуть больше детского мяча, но вызревают быстро, и по хорошему лету к середине июля уже можно собирать первые вызревшие плоды. Сейчас, конечно, еще рановато, но уж больно хочется, чтобы хоть один из них оказался спелым. Чуда не происходит, и бабушка, как я и ожидал, отвечает отказом.

– Потерпи, внучек, с недельку. Самое время для них подойдет, если погода не испортится, вот тогда и полакомишься.

Я успокаиваюсь, зная свою бабушку. Она добрая и многое мне позволяет, но если уж сказала один раз «нет», кланяться бесполезно. Значит, на самом деле нельзя.

– Ну я пошел? – спрашиваю я, запихивая остатки картошки с огурцом в рот.

– Прожуй хоть, оглашенный. Успеешь, еще наловиться.

Дело в том, что каждый раз после обеда, пока самый жар не спадет, мама с бабушкой отдыхают где-нибудь в тенечке. Я же в это время, вытащив припрятанную в кусты с прошлого раза удочку и захватив спичечный коробок с заранее наловленными мухами, отправляюсь к озеру на рыбалку.

С утра до вечера без перерыва там весь день клюет уклейка или баклешка, по-нашему, по-волжски. Нужно только передвинуть поплавок сантиметров на двадцать от крючка с грузилом, насадить муху и можно забрасывать. Через несколько мгновений легкий поплавок начинает мелко приплясывать на поверхности воды. Тут уж не зевай. Повезло, подсек вовремя, и небольшая рыбешка, живым серебром переливаясь на солнце, часто забьется на крючке в воздухе. Тут же ее на кулан и – вновь заброс. При хорошем клеве за час – полтора послеобеденного времени можно поймать штук до тридцати – сорока. Это уже ощутимо. Такой улов не только праздник для нашего Киселька, но и кастрюлька ухи для желающих, которую бабушка, ворча пока чистит, непременно вечером сварит.

Есть у меня и еще одна обязанность. Пока мама с бабушкой будут доделывать оставшиеся огородные дела, я с литровой банкой должен обойти по окраине весь наш участок и набрать в нее уже поспевший иссиня-черный паслен, с которым на завтра все та же бабушка напечет для семьи пирожков, одного из любимых моих лакомств.

Паслен или, как его еще у нас называют, поздника – ягода дикая и растет сама по себе никем не ухоженная. Встретить ее можно и в городе на пустырях или просто под забором. Мальчишки ее любят и обрывают зрелую. Из огородов паслен выпалывают, считают сорняком. Но растение это до того неприхотливо, что находит себе места, казалось бы, вовсе непригодные для жизни. А уж на Зеленем ему полное раздолье. И ягоды у здешнего паслена крупные и сладкие в спелости.

Постепенно день клонится к закату, и работы в основном закончены. Пора собираться назад в город.

Вечером проблема переправы значительно облегчается. Зачастую речники подключают к перевозке пассажиров старую, еще довоенной немецкой постройки, самоходную баржу с громким названием «Рекорд».

Судно это велико, и народу принимает много больше, чем обычный речной трамвайчик. Без надстроек, с одной лишь рубкой на корме, так что вся палуба остается свободной для пассажиров, оно за один рейс перевозит огромное количество народу, который стоя и сидя на лавках вдоль бортов, а то и просто на досках палубы устраивается, как может.

Большое солнце, готовое вот-вот спрятаться за крыши домов, повисло над самым городом. Железные крыши разноцветно переливаются в его лучах, а золоченые маковки соборов сияют до рези в глазах так, что на них невозможно смотреть.

До чего все-таки красив мой город! Это особенно видно отсюда, с Волги. С воды он весь как на ладони, и в предзакатные эти часы, когда воздух над рекой особенно чист и прозрачен, отсюда со стороны замечаешь все то, мимо чего много раз проходил, совершенно не обращая внимания.

Да вот хотя бы все тот же собор на Музейной. Отсюда не видно ни облетевшей со стен штукатурки, ни крыши, засиженной голубями, ни вечного мусора на тротуаре перед ним. Из-за здания краеведческого музея рвутся в небо сияющие купола, и от них по воде во все стороны разбегаются тысячи тысяч солнечных зайчиков, весело прыгающих по волжской волне.

Кажется, город мягко стекает всеми своими улицами с окружающих его холмов сюда, к берегу Волги. Улицы спускаются по склонам все ниже и ниже, переходят во взвозы: Провиантский, Казачий, Приваловский, мой любимый – Бабушкин, а те, в свою очередь, доходя до самого берега, исчезают, растворяясь в волжской воде.

Река – великая труженица, намаявшись за бесконечно длинный летний день, устало и редко вздыхает набегая волной на прибрежный песок и лениво шевеля своим притомившимся телом, мерно покачивает волной спешащие к своим причалам редкие уже к вечеру пароходики.

Вскорости причаливаем и мы.

Вечер

Липки встречают нас звуками духового оркестра, что по выходным дням играет в музыкальной раковине, и толпами отдыхающих. Должен сказать, что сад наш – одно из самых любимых мест отдыха горожан. И духовой оркестр в музыкальной раковине, и частые концерты в Зеленом театре, павильоны, где в изобилии продаются чудесное мороженое и прохладительные напитки, а так же выступления цирковых акробатов на детской площадке – все это привлекает великое множество жителей нашего города.

Сплошной неторопливой рекой вливаются они в ворота, текут вдоль аллей, невольно подчиняясь музыкальному ритму оркестра, разливаются на множество ручейков по тропинкам и дорожкам, чтобы вновь влиться в основное русло главной аллеи.

В Липках царит праздничная, почти карнавальная атмосфера всеобщего веселья и радости. Но все это, пожалуй, все-таки прелюдия к основной программе вечера, когда на летней танцплощадке заиграет в динамиках музыка, и популярные Шуров и Рыкунин запоют свои знаменитые куплеты про даму:

Что в «Огоньке» читала, Как отлично дрейф идет. И недавно заказала Шляпу типа «вертолет».

И про тренера, что привел в бассейн желающих заниматься плаванием:

Потом кивнул, Потом нырнул.

Сказал: «Плывите так, как я» – И утонул.

Куплеты эти служат как бы условным сигналом всем желающим потанцевать. К кассе танцплощадки выстраивается огромная очередь. Билеты разбираются моментально в течение получаса, И счастливики, которым нынче повезло больше других, неторопливо проходят через контроль за загородку, что отделяет место для танцев от остального сада. Это огромная деревянная платформа в форме круга со скамейками по бокам, сооруженная прямо на газоне. Липы, испокон веков растущие на этом месте, нисколько не помешали, наоборот: строители устроили так, что, как бы прорастая сквозь пол, они раскинули свои широкие кроны над танцующими, тем самым прикрывая их от возможной непогоды.

Танцевать почему-то никто не спешит. Теснятся к боковым скамейкам, жмутся кучками к забору и деревьям. Но вот от одной компании отделяется самый смелый, пересекает пустующий центр и, выхватив из женской группы партнершу, с первыми звуками вальса начинает плавно кружиться с ней между деревьев.

Появляется вторая пара, третья, четвертая, И вот уже вся танцплощадка кружится, кружится, кружится...

Танец сменяет танец. Медленные мелодии чередуются с быстрыми фоксами, вновь начинающими входить в моду. Танцуют под краковяк и польку, вальс и странные мелодии, которым у меня нет названия. Особой популярностью пользуется «Белое танго», когда право выбрать кавалера предоставлено женщинам. Его объявляют довольно часто, проигрывая одну и ту же мелодию – «Журавли».

«Ранним утром, в час печальный, слышу крики журавлей» – доносится из динамиков обволакивающий женский голос. Создается впечатление, что певица делится своим горем с каждым в отдельности, только ему и никому другому жалуется она на свою судьбу:

«Как же случилось, не знаю вновь журавлей провожаю одна я,,».

Песня нравится. Это чувствуется по общему настроению танцующих, мерно покачивающихся в такт неторопливой мелодии.

В те, далекие теперь, времена, когда не было и в помине не только современных ВИА, но много раньше родившихся липси и твистов, когда бабушкин чарльстон еще пылился забытым на дне их сундуков под кучами пыльных юбок и шляпок с перьями, когда популярный и твердо теперь занявший место на эстрадных подмостках джаз считался вредным пережитком буржуазной морали и с великим трудом пробивался к своему зрителю с единичными оркестрами Утесова, Эдди Рознера или Олега Лундстрема, когда одно лишь упоминание о таких танцах, как чуча, буги-вуги, рок-н-ролл, в трепет приводило устроителей праздничных вечеров и названия которых считались чуть ли не ругательными, эта песня «Журавли» пользовалась огромной и, по-моему, заслуженной популярностью. А теперь она обрела вторую жизнь, и я часто слышу ее по радио и в концертах, и в моей душе поселяется ностальгия по дням давно ушедшим. Да это и понятно.

Ведь, наверное, нет такого человека, который, вспоминая свое детство, не ощутил бы его теплого и такого ласкового дыхания.

Но понимание всего этого приходит много позже, с годами.

А тогда, в тот июльский вечер, были другие заботы и другие радости и печали. И основной заботой у нас с бабушкой было, как можно быстрее обойти все аллеи вечерних Липок с ручным колоколом, звуками которого мы извещали отдыхающих о закрытии сада на ночь.

При нашем приближении вспархивают с отдаленных лавочек загостившиеся парочки и спешат к выходу. Мы навешиваем на ажурные ворота висячие замки, чтобы дать отдохнуть хоть ночью неплохо потрудившемуся за день саду.

Вот и еще день миновал, и слава Богу, – говорит бабушка и крестит рот.

Бабушкины сказки

– ...И стали они жить-поживать, да добра наживать, – бабушка поправила у меня в ногах лоскутное одеяло, подоткнув аккуратно края.

– А теперь про Чудиков, что в колодце жили.

– И, милай, я и раньше-то ее с пятого на десятое знала, а сейчас, поди, и вовсе забыла. Где мне с моей дырявой памятью упоминать.

Мы вдвоем коротаем вечер. Я уютно улегся на своем сундуке у окошка, сложив руки поверх яркого лоскутного одеяла, а бабушка с вязаньем устроилась у меня в ногах. На четырех спицах висит почти готовый носок, и, вывязывая его пятку, бабушка не глядит на работу. Руки делают все сами, по памяти.

Сверху, из-под большого зеленого абажура, льется неяркий ровный свет, недостающий до углов комнаты. Там полумрак и неясные тени от вешалки и картины на стене, на которой запорожцы пишут письмо турецкому султану. Эта живопись – творение старшего сына бабушки, дяди Вити. Он служит где-то в Тамбовской области агрономом, а досуг тратит на краски и кисти. Приезжая в отпуск, дядя мой непременно привозит свое новое творение в подарок родителям. Чаще всего это репродукция с какой-нибудь известной картины, но есть и пейзажи на сельские темы. В кухне над кроватью висит довольно большое полотно с коровами в роще у речушки. Одна корова на переднем плане пьет воду из речки, и, куда ни встань, все будет казаться, будто она смотрит только на тебя. Мне это видится верхом совершенства в дядиной живописи и особенно нравится. При всяком удобном случае я показываю это чудо каждому новому человеку в нашем доме и от души радуюсь его удивлению, когда тот озадаченно произносит;

– А ведь верно! Гляди-ка... А ежели сюда встать? Надо же, опять глядит! А сюда?.. Чудеса, да и только!

Я в восторге, оттого что сумел озадачить взрослого, и безмерно горжусь художественным мастерством своего дяди-агронома, создавшего такой шедевр.

– Ну не про чудиков, тогда другую какую-нибудь. Или нет, баб, ты когда еще обещала рассказать, как молодой была.

Я давно жду от нее этого рассказа. Она много раз начинала его для меня, но все как-то не получалось. То одно, то другое отвлекало. И вот сегодня, когда дела все переделаны, в доме только мы двое, а впереди целый вечер, рассказ этот я, возможно, услышу от начала до конца.

– Что ты, что ты, когда это было! Сколь годов улетело! Где в памяти удержать... Тут не упомнишь, что вчера делала, а ты хочешь заставить вспомнить такую старину. И не думай!

Но я-то вижу, что бабушка моя больше для вида отнекивается и оттягивает время начала рассказа, что ей самой уже хочется поведать мне историю своей жизни. Может, вспоминает, а может, хочет, что б я еще попросил. Так у меня не заржавеет:

– Ну, бабуль. Ну, пожалуйста. Ты ведь когда еще обещала. А времени все не было и не было. Теперь вот самое время и пришло. И бабушка больше не сопротивляется.

– С чего ж начать? Давно это было. Жили мы тогда в Красном Куте за Волгой, в маленькой покосившейся избенке. Папаша мой, пока жив был, приторговывал помаленьку красным товаром,

– А что такое – красный товар?

– Красный товар-то? – бабушка поворачивает голову и долго глядит на меня. – Красным товаром раньше мануфактуру называли. Материю всякую. Ткани, в общем. Ну вот. А тут погорели мы. До тла не выгорели, однако пропало много. Люди говорят, пришла беда, отворяй ворота. Папаша и без того попивал, а тут и вовсе запил горькую, да так крепко, что все оставшееся барахлишко на распыл по ветру пустил, и сам через год от белой горячки помер. И остались мы с мамой одни бедовать. Я в семье младшая была, всего не упомяну. Но каково ей с нами, шестью ртами, приходилось, понимала. В семь лет отправила меня мама в школу. Походила я, значит, туда два месяца, она мне и говорит:

– Хватит, дочка. «Саша-Маша» писать умеешь, иди в люди нянчить, не маленькая. На этом мое образование и кончилось.

– И чего ж? С тех пор ты никогда и не училась?

– Где уж, милый, учиться. Тогда до того ли было. Потом-то я с грехом пополам приспособилась и слова складывать, и книжки легкие читать. Но это уж, когда было! А в те года, слава Богу, подпись свою ставила. Многие и так не умели. Крест чертили или палец прикладывали.

Ну вот. Отправили меня, стало быть, к Волковым в богатый дом ребятенка нянчить. Они, Волковы-то, хлебом торговали. Свозили его в Астрахань и там продавали, тем и жили. Неплохо жили. Крепко. А сестра моя старшая – Поля, за Волковским Василием замужем была, ее, значит, из бедной семьи в богатую сосватали за красоту. Вот Полиного сынишку Ваню я и нянчила. Племянника своего, стало быть.

– Это какого Ваню? – вновь задаю я вопрос, – Нашего дядю Ваню? Куйбышевского? Профессора?

– Его, его, – бабушка улыбается. – Это он нынче профессор. А тогда тому профессору от роду и года не было. Животом все маялся да золотухой постоянно болел. Но слушай дальше. Живу я, значит, у Волковых, По хозяйству, что прикажут, помогаю, Ванюшку нянчу. А командовала в доме тетка Катерина – жена старшего сына. Сами-то старики хворали. Все больше на печи да на заваленке обитались. А хозяйство в Катерининых руках. Ох, и доставалось мне от нее поначалу! Она сама каждый день до свету вставала и меня поднимала;

– Хватит бока пролеживать. Не дармоедку в дом брали, работницу. Ртов у нас и своих довольно.

– И начиналось: «Малашка, подай то, Малашка, принеси это!» – только успевай поворачиваться. А мне едва семь годочков миновало, к полудню под собой ног не чуешь, а тут время обеда:

«Малашка, марш лапшу крошить!» А у самой, у Катерины, нож в руках так и мелькает, так и мелькает. Вжик да вжик. Где мне за ней поспеть. Одно думаешь: только б не осерчала. А то подзатыльник мигом схлопочешь. Рука у ней к любой работе привычная, тяжелая. Бывало, такую затрещину отпустит, в глазах темно делается. Вот и стараешься. Лишь одна в голове мыслишка вертится, как бы с лапшой и пальцы свои не покрошить. Вот так до вечера юлой и вертишься. А ночью не раз и не два к ребенку встанешь, коли проснется, и давай зыбку качать, пока не успокоится. Охо-хо-хо-хо-хо. Грехи наши тяжкие. А то еще случай был:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.